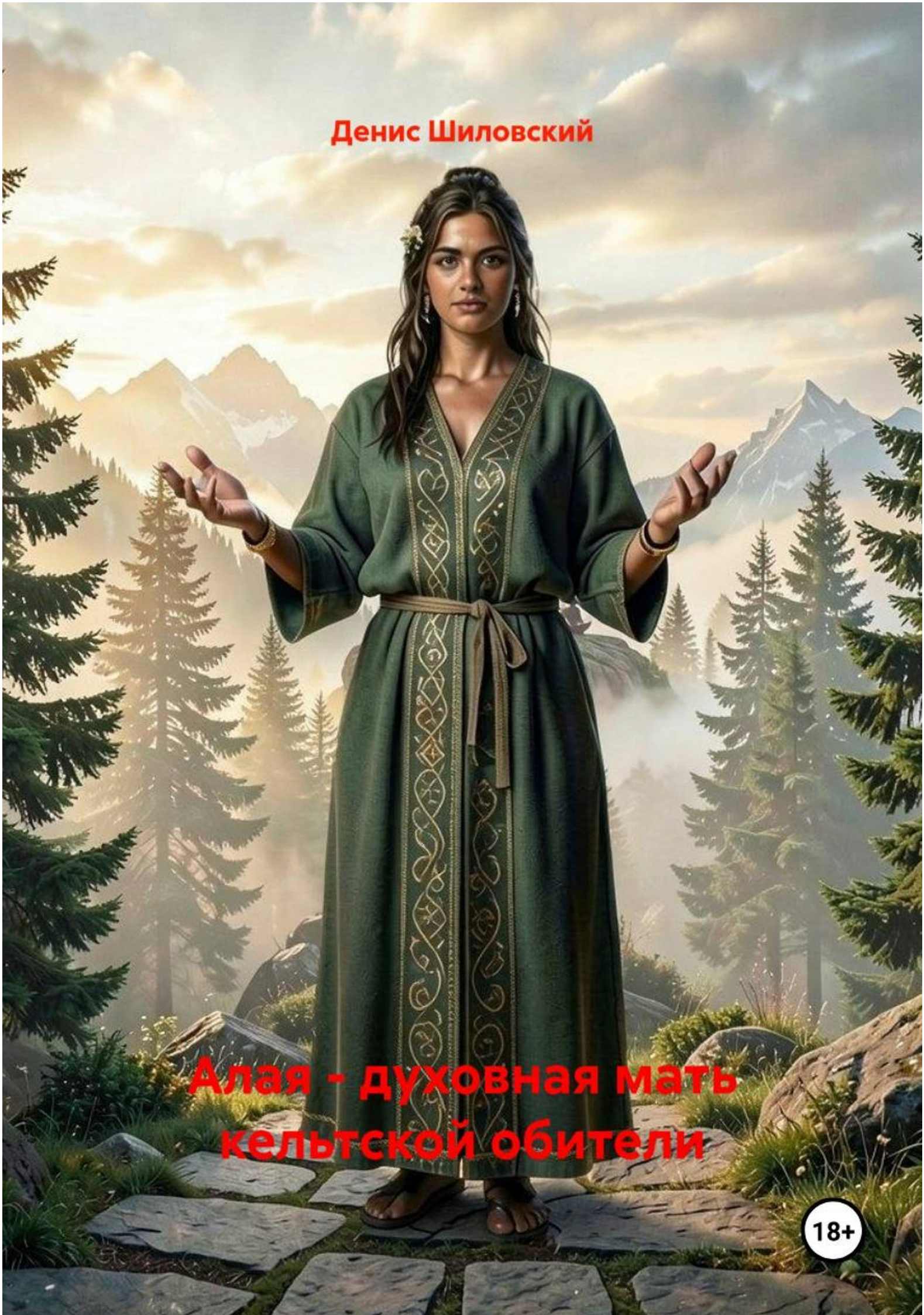

Денис Шиловский
Алая - духовная мать кельтской обители
18+

Денис Шиловский

Алая - духовная мать кельтской обители

«Автор»
2026

Шиловский Д. В.

Алая - духовная мать кельтской обители / Д. В. Шиловский — «Автор», 2026

Во II-ом веке нашей эры могущество Римской империи занимавшейтерриторию, почти всей Европу подшатнулось. Римские прокураторыстали ссорится с варварскими вождями.Разрозилась затяжная долгая и кровопролитная маркоманская война. Маркоманы, германцы и кельты стали взламовать лимес и вторгаться на территорию, находящиещу под контролем Рима. На всей протяжённости северной границы римских владений варварские племена вторгались на земли Римской империи, опустошали и грабили их.Но и среди варваров, было не мало и таких людей, которые были очень духовными, желающими познать истину природы бытия и не хотели,ни с кем враждавать. Среди них, была Алая - главная героине нашей второй саги о древних варварах. Однажды, во время маркоманской войны, когда римляне затеяли карательный поход против германцев и кельтов на территории современной Баварии, она умудрилась вывести оттуда своих односельчан и основать в Альпах, что то вроде монастыря древне кельтской религии

© Шиловский Д. В., 2026
© Автор, 2026

Денис Шиловский
Алая - духовная мать кельтской обители

Денис Шиловский

Алая - духовная мать кельтской обители

Москва
2026

ПРОЛОГ

Наша сага повествует о том, что как благодаря Алаи и Тени Орла,
в сердце войны родилась обитель тишины.

Второй век нашей эры. Железная поступь Pax Romana — Римского Мира — гремела по венам Европы, но этот мир был пропитан кровью и звоном кандалов. Империя, раскинувшаяся от туманных берегов Британии до пылающих песков Сирии, казалась вечной, как сами звёзды. Но даже вечность имеет свои трещины. На северной границе, там, где цивилизация упиралась в дикий, щетинистый лес, воздух сгущался от предчувствия грозы. Лимес — великий каменный рубец на теле континента — стонал под натиском.

Маркоманская война. Само это словосочетание звучало как лязг затупившегося меча о щит. Римские прокураторы, чьи тоги пахли дорогим вином и интригами, грызлись с вождями варваров, чьи плащи пропитались потом, дымом костров и яростью. Это была не просто война за пастбища или торговые пути. Это был рев первобытной стихии, столкнувшейся с холодной геометрией порядка. Маркоманы, свирепые германцы с глазами цвета зимнего неба и кельты, чьи предки помнили друидов, взламывали границу, словно волки, врывающиеся в овчарню. Они неслись по римским провинциям огненным вихрем, оставляя после себя лишь пепел, запах гари и горький плач вдов.

Но даже в самом яростном пожаре, где плавится сталь и кричит человеческая плоть, есть место, куда не дотягиваются языки пламени. Это место — душа человека.

Среди тех, кого Рим презрительно называл «варварами», чьи тела были покрыты синими узорами вортигерна, а волосы заплетены в сложные косы, были не только воины. Были и другие. Те, кто слышал, как поёт земля. Те, для кого старый дуб был не просто дровами, а живым божеством, а туман над рекой — дыханием духов предков. Они не жаждали золота Сената. Они искали иную истину — истину природы бытия, ту самую тишину, что звенит громче любого боевого рога.

И была среди них Алая.

Её имя не значилось в списках легионеров, и его не высекали на триумфальных арках. Но в памяти её племени оно звучало как заклинание. Алая не была воительницей в привычном смысле. Её оружием был взгляд — глубокий, цвета болотной воды, в котором отражалась вековая мудрость её народа. Она не желала враждовать. Когда римские орлы — серебряные штандарты Legio — затеяли свой карательный поход в сердце германских земель, там, где сегодня простирается цветущая Бавария, Алая увидела не битву. Она увидела агонию.

Земля дрожала. Небо, обычно высокое и равнодушное, опустилось низко, цепляясь за верхушки елей чёрными, как сажа, облаками. Римляне шли «правильным» строем, их калиги вбивали в грязь последние следы старой веры. Они жгли священные рощи, потому что для них лес был лишь препятствием, а для Алой — домом.

В ту ночь, когда запах дыма стал невыносим, а крики умирающих сливались с воем ветра, Алая не взяла в руки меч. Она вышла к своему народу, к своим

односельчанам — детям, старикам, женщинам, чьи лица были серыми от ужаса. Она не кричала. Она просто запела. Это была древняя песнь, которую пели их матери, когда укачивали младенцев. Песня о корнях, уходящих глубоко в камень, о воде, которая всегда находит путь.

И люди пошли за ней.

Это был не военный марш. Это был исход теней. Они скользили между деревьями, как призраки, путая следы, ныряя в ледяные ручьи, чтобы сбить со следа римских ищеек с их

обученными псами. Алая вела их не на север, где была лишь тундра и смерть, и не на юг, где ждал рабский ошейник Империи. Она вела их вверх. Ввысь, туда, где воздух становится острым, как осколок кварца, а облака можно трогать руками.

Альпы встретили их сурово. Каменные клыки гор впивались в небо. Здесь не было мягкой земли для пашни, здесь правил лишь ветер и вечность. Но для тех, кто спасался от мира, сошедшего с ума, это был рай. Здесь, на уступе, нависающем над бездонной пропастью, где эхо повторяло только твой собственный голос, Алая остановилась.

Она сказала: «Здесь».

То, что она основала, не было деревней. Здесь не строили высоких частоколов, потому что сама гора была их стеной. Это не был и римский монастырь с его строгим уставом и кельями. Это была Обитель Тишины. Святилище древней кельтской религии, возрождённое из пепла войны.

Люди жили в гармонии с камнем. Они научились слушать, как тает снег в июне, и разговаривать с духами перевалов. Вместо идолов из золота они поклонялись нерукотворным алтарям — водопадам, чьи струи били в гранит с силой тысячи молотов, и пещерам, где мох светился призрачным зелёным светом. Алая стала не королевой, но Хранительницей. Её дни проходили в созерцании. Она учила детей читать не латынь, а узоры жилок на листьях папоротника. Она учила, что истинная сила не в том, чтобы пролить кровь врага, а в том, чтобы удержать свою собственную землю в сердце, куда бы тебя ни забросила судьба.

Внизу, на равнинах, ещё десятилетиями гремела Маркоманская война. Марк Аврелий, философ на троне, писал свои размышления в походном шатре, пока его легионы умирали в грязи. Римская машина перемалывала кости и судьбы. Но высоко в Альпах, там, куда не долетали стрелы и где римский орёл боялся расправить крылья из-за ледяных ветров, горел маленький огонь. Огонь Алаи. Это был тихий, упрямый протест духа против тирании материи. Доказательство того, что даже когда мир сходит с ума и строит свою стену из смерти, всегда можно найти тропу ввысь и построить там храм из света, ветра и вечного камня.

Глава I. Алая: Путь сквозь лес к духам Альп.

Во II веке нашей эры, когда Римская империя простирала свои владения до самых северных пределов известного мира, в густых лесах Альпийских предгорий существовали особые места — места, о которых говорили шёпотом.

Одно из таких мест находилось в Альпийских горах, и местные

жители знали:

эта обитель принадлежит не живым людям, а бесплотным духам — хозяевам иного мира. Вторгнуться туда без приглашения означало нарушить чужую собственность, и право духов на неё следовало уважать так же свято, как право живого хозяина на его дом. Древние кельты, населявшие бескрайние леса севернее Альп — на землях нынешней Баварии — не сомневались:

в каждом неживом объекте природы живёт своя душа. Солнце и Луна, звёзды и горы, деревья и камни — всё это были живые существа, с которыми можно было говорить, как с людьми.

Именно с этой верой, впитанной с молоком матери, и жили обитатели одного небольшого кельтского поселения, затерянного среди вековых дубов и елей.

Древнее кельты считали, там где шёпот камней, там заканчивается тропа человека и начинается дом духов.

Представьте себе II век. Время, когда тень орлов Девятого легиона накрывала полмира, когда дороги, вымощенные камнем, несли на своих спинах не только сандалии центурионов, но и саму поступь Вечности. Рим. Железо. Закон. Империя, уверенная, что её границы — это и есть край света.

Но они ошибались.

За последней пограничной чертой, где уставшие от марш-бросков римские воины видели лишь хаос дикого камня и непролазную зелень, начинался иной мир. Альпийские предгорья дышали сыростью и тайной. Здесь воздух был густым, как мёд, и звенел от тишины, которую не смел нарушить даже крик ястреба. Римляне строили свои виллы и форты в долинах, приручая реки и подчиняя

землю своей воле. Но они не поднимались высоко. Туда, где вековые ели стоят плечом к плечу, словно молчаливая стража, а туман сползает по склонам, словно дыхание спящего великана.

В этих лесах не было хозяев с плетью и земельными наделами. Здесь властвовали другие. Древние кельты, чьи корни уходили в эту землю глубже, чем фундаменты римских храмов, знали правду. Для них лес не был скоплением древесины, а гора — не просто нагромождением мёртвой породы. Это была семья. Это был пантеон, застывший в вечности.

Солнце было не просто светилом — это был всевидящий глаз небесного отца, чей огненный взгляд дарил жизнь. Луна — серебряная богиня, ткущая сны из ночного света. Каждый камень, поросший изумрудным мхом, был телом спящего титана. Каждый ручей — веной, по которой текла кровь самой земли. И, конечно, деревья. Они были старейшинами. Их морщинистая кора хранила память о тысячах зим, а кроны перешёптывались на языке, который понимало лишь сердце, а не разум.

И потому в горах существовали места, о которых говорили только шёпотом, да и то — отвернувшись. Священные рощи, где стволы деревьев изгибались под немыслимыми углами, словно в ритуальном танце. Поляны, куда не падала тень. Пещеры, из которых веяло холодом, не имеющим ничего общего с зимой.

Это были не просто локации на карте. Это была собственность. Чужая собственность.

Кельтский охотник, вышедший на промысел, никогда бы не посмел срубить дерево в такой роще для костра. Он знал: это не бревно, это — дом. Вломиться туда без зова, без подношения, без трепетного страха в душе было всё равно что ворваться в дом римского патриция, выломав дверь. Последствия были бы столь же, если не более, плачевны. Ведь гнев живого человека можно усмирить сталью или золотом.

Гнев бесплотного хозяина иного мира усмирить не чем, нельзя.

Духи гор, genii loci, как назвали бы их латиняне, не носили тог и не писали законов на пергаменте. Их право на землю было древнее любого императорского эдикта. Оно было высечено в самом граните Альп. И местные жители, потомки вольных племён, чтили это право так же свято, как право отца на свой очаг. Они оставляли у корней исполинских дубов хлеб, мёд или каплю свежего молока — плату за проход, арендную плату за то, что их ничтожные тени скользят по земле, принадлежащей вечности.

Они знали: мир не принадлежит человеку. Человек — лишь гость в этом великом доме. И если ты хочешь, чтобы крыша не протекала, а очаг не гас, ты должен уважать хозяина.

Даже если этот хозяин — лишь шёпот ветра в листве и холодок, пробежавший по спине в ясный полдень.

Глава II. Исход под сенью туч: когда надежда шьёт доспехи из отчаяния.

В том поселении, о котором идёт наш рассказ, жизнь шла своим чередом — до тех пор, пока война с Римом не постучалась в каждый дом. Мужчины уходили в ополчение, уводя с собой лошадей, и деревня пустела день ото дня. Именно тогда несколько жителей — те, кто остался, — собрались под одной крышей, чтобы решить, как быть дальше. На этом тайном совете они избрали себе духовного наставника. Им оказалась молодая женщина тридцати лет по имени Алая — с тихим, но твёрдым взглядом, в котором читалось что-то древнее и мудрое, как сам лес вокруг. Алая умела говорить с духами камней и деревьев, умела слышать голос ветра и читать знаки звёздного неба. Именно её слово стало главным, когда встал вопрос: оставаться или уходить.
Римские каратели могли появиться в любой момент — безжалостные, хорошо вооружённые когорты, не щадившие ни стариков, ни детей. Оставаться в деревне означало верную гибель. И Алая сказала своим

людям твёрдо: — Мы уйдём на юг. В предгорьях Альп найдём тихое место. Будем жить там, призывать духов и хранить нашу веру.

Решение было принято — теперь предстояло действовать. Алая напомнила всем главный принцип: надеясь на лучшее, будь готов к худшему. Путники мастерили доспехи из того, что нашлось под рукой: кастрюли и бидоны шли на защиту груди и спины, доски от обеденных столов превращались в щиты. Вооружились чем могли — лопатами, топорами, заострёнными ломами. Самые умелые смастерили луки и заготовили стрелы, обмакнув наконечники в яд. Немного потренировавшись на одной из деревенских площадок, они почувствовали себя настоящей когортой — пусть и неказистой на вид, зато полной решимости. Повозку с вещами и провизией пришлось запрячь в коз, найденных в соседнем сарае:
лошадей в деревне не осталось — всех увели ополченцы. И вот, в один из хмурых осенних дней, маленький отряд двинулся из деревни. Впереди

лежал бескрайний лес — тёмный, молчаливый, бесконечный. Три недели пути по его чащам ждали путников, прежде чем на горизонте должны были показаться римские пограничные укрепления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.